

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ

Алексей МАКЕЕВ

**УБИЙСТВО
С АНШЛАГОМ**

Полковник Гуров

Николай Леонов

Убийство с аншлагом

«Научная книга»

2011

Леонов Н. И.

Убийство с аншлагом / Н. И. Леонов — «Научная книга»,
2011 — (Полковник Гуров)

Смерть на театральных подмостках – это не всегда актерская игра. Прямо на сцене во время спектакля выстрелом из пистолета убит молодой актер Полянский. А затем возле собственного дома находят умершего от сердечного приступа режиссера этого же театра. Расследование на шумевшего преступления поручается лучшим сыскарям Москвы – полковникам Льву Гурову и Стасу Крячко. Сыщики приходят к выводу, что смерть режиссера также насильственная – сердечный приступ вызван искусственно. Но связаны ли два этих преступления между собой? И что стоит за каждым из них?..

© Леонов Н. И., 2011

© Научная книга, 2011

Содержание

* * *	5
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Николай Леонов, Алексей Макеев

Убийство с аншлагом

* * *

Сегодня был тот день, когда в одном из театров Москвы должна была состояться премьера спектакля по пьесе известного американского драматурга Гарольда Шелдона под названием «Тройка». Еще за месяц до этой премьеры по городу были развешаны красочные афиши, приглашающие всех желающих посетить спектакль, тем более что поставила его известная труппа под руководством режиссера-постановщика Вениамина Сигизмундовича Григоровича, который успел прославиться своими смелыми замыслами. Кроме того, в пьесе играли два ведущих артиста этого театра – Серж Полянский и Жанет Билиербах, так полюбившиеся зрителям за тонкую игру на сцене. Премьера была назначена на шесть часов вечера, но истинные ценители театрального искусства пришли в театр за час до начала премьеры, чтобы пообщаться друг с другом, обсудить прошлые постановки и т. д.

Но вот прозвенел первый звонок, и люди двинулись в зал с замиранием сердца, ожидая от спектакля чего-то невероятного. Все-таки это был первый случай, когда наш режиссер решил поставить что-то из созданий Гарольда Шелдона, а тем более такую пьесу, как «Тройка».

Поднялся занавес, и представление началось...

Ожидания зрителей оказались не напрасными. Главные герои, а именно Серж и Жанет, показывали высший класс игры на сцене. Первый акт подходил к концу, и зрители затаив дыхание следили за главной сценой в этом акте.

– Ах, дорогая Ингрид! Вы сводите меня с ума! – прижав руки к груди, почти кричал артист Полянский.

– Но, дорогой Джеймс, вы заставляете меня краснеть, – смутилась Жанет.

– Мое сердце перестает биться, когда я... – начал было Полянский.

Договорить он не успел. Неожиданно в зале прозвучал выстрел, и главный герой, подавшись вперед, упал сначала на колени, а потом рухнул под ноги главной героине. Секунды три в зале и на сцене была гробовая тишина. Зрители пытались вспомнить эту сцену по тексту спектакля, а Жанет, широко открыв глаза, смотрела на уже мертвого Полянского. Но вот первое состояние шока прошло, и Жанет, приложив руки ко рту, издала такой звук, после которого всем стало ясно, что на сцене произошло настоящее убийство. Занавес с грохотом упал, а зрители рванулись к дверям. Началась суматоха, в которой уже никто не обращал внимания на то, что происходило рядом. Все эти ценители искусства, только недавно рассуждавшие о прекрасном, сейчас неслись со всех ног, гонимые животным страхом, толкая друг друга.

За кулисами же в это время никто не кричал, не суетился. Две девушки-артистки пытались успокоить Жанет, уведя ее в сторону. Осветитель и механик, находившиеся в момент убийства за кулисами, первыми среагировали на ситуацию. Кто-то из них сразу вызвал «Скорую» и полицию, и теперь они стояли поодаль, стараясь не смотреть на лежавшего в неестественной позе Сержа Полянского. Через пять минут появился сам режиссер, который не мог произнести ни слова, а только смотрел на всех ошалелым взглядом. И немудрено. Убийство в театре – это нонсенс...

Оперативная бригада приехала в одно время с каретой «Скорой помощи». Врачи сразу же констатировали смерть и, сунув какие-то успокоительные Жанет, удалились, сказав, что по дороге они вызовут «труповозку».

Павел Игнатьевич Нестеренко, опер по должности и капитан по званию, осмотрев место преступления, сразу же приступил к своим непосредственным обязанностям. Первым делом

он приказал, чтобы никто из присутствующих не приближался к убитому. Прослужив не один год в органах, он знал, что деликатничать в подобных случаях себе дороже. Люди по своей натуре очень любопытны и запросто могут устроить из места убийства объект паломничества, затоптав все следы, если таковые имелись.

Приказав поднять занавес, капитан некоторое время смотрел в зал, пытаясь понять, откуда был произведен выстрел. Наконец он повернулся и, посмотрев на своего подчиненного, приказал:

– Сержант, поднимитесь на верхний этаж и осмотрите все; возможно, убийца оставил там свое оружие. Чем черт не шутит, – добавил он то ли сержанту, то ли самому себе. После этого подошел к эксперту, который «колдовал» над убитым артистом: – Ну, что там у тебя, Семенович?

– Ничего интересного, Павел Игнатьевич. Пуля вошла в тело под небольшим углом, поэтому можно сделать вывод, что стреляли откуда-то сверху – скорее всего, с галерки. – Он показал на небольшой балкончик в конце зала. – Стреляли предположительно из пистолета, так как на пулю от винтовки это не похоже. – Теперь его палец переместился на грудь убитого. – Но, как вы понимаете, Павел Игнатьевич, это только предварительные выводы. Окончательные я смогу дать только после вскрытия.

– Пистолет, говоришь, – капитан почесал подбородок. – Это уже хуже. Пистолет могли и не оставить на месте преступления, а забрать с собой. Тем более что глушителя на нем не было. А значит, спрятать его и унести не составит никакого труда. Ладно, вернемся к нашим бар... – Он не договорил, повернувшись к стоящим в стороне артистам. Увидев пожилого серьезного мужчину в костюме, двинулся к нему. – Вы здесь главный? – скорее для порядка спросил Нестеренко, зная, что не ошибся в своем выборе.

– Да, я режиссер этого театра, – с некоторой гордостью произнес Григорович.

– Мне нужна свободная комната, где я буду проводить опрос свидетелей. Таковая имеется? – Голос капитана был сухой и властный.

– Да-да, конечно. Прошу. – Григорович показал на дверь.

– Да, и еще. – Капитан на секунду остановился. – Попросите никого не расходиться. – Он кивнул на стоящих в стороне артистов и служащих театра.

– Хорошо. – Режиссер быстрым шагом отправился выполнять указания опера.

Подойдя к артистам, он что-то им объяснил в двух словах, покосившись на капитана, и так же быстро вернулся.

– Прошу, – снова сказал Григорович, и они двинулись дальше.

Режиссер не стал ломать голову над тем, какое бы помещение предоставить полицейскому, а просто пригласил того в свой кабинет, сказав капитану, что комната в полном его распоряжении.

Опрос свидетелей ничего не дал. Никто ничего не видел, все слышали только выстрел. Осмотр верхнего этажа тоже не принес желаемых результатов. Глядя на то, как сержант отряхивал с себя пыль, капитан был уверен, что тот честно выполнил поставленную задачу. Вызвав к себе режиссера, Нестеренко сказал:

– Теперь я бы хотел осмотреть гримерку убитого. Так, по-моему, это у вас называется?

Григорович, показав на дверь, произнес свое излюбленное:

– Прошу.

Раньше Нестеренко не приходилось бывать в подобных местах, поэтому он несколько удивился, увидев маленькую комнатку, в которой царил творческий беспорядок, как объяснил режиссер. На самом же деле здесь был полный бардак. Повсюду валялись какие-то костюмы, сшитые из цветной парчи и бархата, шляпы с перьями и просто отдельные части гардероба. Единственным более-менее свободным местом было трюмо. Вот туда-то и двинулся капитан, сказав сержанту, чтобы тот занялся осмотром помещения.

На трюмо стояли флаконы, баночки, какие-то пудреницы, кисточки – в общем, все то, что каждый мужчина может лицезреть у женщины в спальне. «Точно говорят, что все они здесь пида...» – первое, что пришло в голову капитану. Вытащив платок, он стал открывать по очереди ящики стола трюмо. Чего только в них не было: обертки от конфет, женские шпильки, мягкие игрушки и все то, что никак не могло заинтересовать капитана. Неожиданно сзади раздался удивленный возглас сержанта:

– Ничего себе! Товарищ капитан, вам следует на это взглянуть...

Нестеренко обернулся и увидел, что сержант склонился над деревянным ящиком, оклеенным афишами; скорее всего, это был ящик, в котором перевозили одежду во время гастролей. Сержант откопал его под ворохом одежды.

– Что там? – спросил капитан, не трогаясь с места.

– Винтовка. – Сержант растерянно пожал плечами.

– Какая винтовка? Ружье, что ли? – Капитан представил старинное ружье прошлого века.

– Нарезная винтовка американского производства «Scorpion», предназначенная для стрельбы на дальние расстояния.

Капитан подскочил к сержанту, не дослушав его разъяснения. Действительно, в ящике среди тряпичного барахла лежала винтовка с прикрученным к ней оптическим прицелом. Не надо иметь семь пядей во лбу, чтобы понять, что с таким оружием не ходят на охоту и не держат его ради самозащиты. Это было профессиональное оружие, предназначенное исключительно для заказных убийств.

– Ничего не трогать! – Он отодвинул сержанта в сторону, доставая сотовый телефон.

Приложив трубку к уху, он осмотрел гримерку. Теперь она ему виделась совершенно в другом свете.

– Алло, товарищ полковник? Мы тут обнаружили винтовку американского производства с оптическим прицелом. Нет, из нее никого не убивали, точнее, не убивали убитого... в общем, она находилась в гримерке убитого, – наконец донес свою мысль капитан.

С минуту он слушал, что ему отвечали в трубке, а потом, отчеканив: «Слушаюсь», убрал телефон в карман.

– Значит, так, сержант, – на лбу капитана появились складки, – остаешься здесь, и чтобы ни одна душа не смела даже приблизиться к этому месту. Ты меня понял?

– Так точно.

– Вернемся в ваш кабинет, – обратился капитан к режиссеру, который топтался в дверях. – Мне нужно задать вам несколько вопросов...

* * *

Этот день начался для полковника Гурова, как всегда, в половине седьмого утра. Прежде он просыпался раньше, но теперь, когда семья приобрела машину, они с Марией могли себе позволить поспать на полчаса больше. Теперь Лев Иванович отвозил жену в театр, а потом уже отправлялся к себе в контору. Иногда, если позволяла служба, он мог забирать ее после спектакля. Но, признаться честно, это было не так часто. По большей части Гурову приходилось задерживаться на работе.

Побрившись и приняв душ, Лев прошел на кухню, где Мария уже приготовила свой любимый кофе и как раз в это время разливала его по чашкам.

– Доброе утро, дорогой, – улыбнулась она, увидев свежего и помолодевшего мужа.

Лев поцеловал жену в щеку, которую та с удовольствием ему подставила. Прожив вместе не один год, они смогли сохранить теплые и душевные отношения. Многих людей, живущих вместе несколько лет, успевает съесть бытовуха, но Лев Иванович и Мария смогли обойти эти

подводные рифы семейной жизни стороной. Они как-то сразу решили для себя, что не стоит ругаться по мелочам – жизнь слишком коротка, чтобы тратить ее на всякого рода скандалы.

– Садись. Я сейчас плюшки достану, – сказала Мария.

– Плюшки? – удивился Гуров.

– Вчера купила у нас в буфете. Все так нахваливали их, вот я и взяла, – объяснила Мария, доставая из стола пакет.

Плюшки действительно оказались очень аппетитными, и Лев с удовольствием уплетал их одну за другой. Приятную трапезу прервал телефонный звонок. Подняв глаза, Гуров посмотрел на Марию.

– Я не жду никаких звонков, поэтому, скорее всего, тебя, – развела руками Мария.

Взяв трубку, он решил сумничать:

– Кто рано встает – тот всех достает. Гуров на проводе.

Сыщик был почему-то уверен, что ему звонит его напарник Стас Крячко, но оказался не прав. Звонил генерал Орлов.

– Ты всегда так отвечаешь людям по телефону, даже не поинтересовавшись, кто на проводе? – Голос генерала был серьезным – начальник не оценил шутливое вступление своего подчиненного.

– Извините, товарищ генерал, не думал, что это вы... – Лев посмотрел на жену, но та лишь осуждающе покачала головой: мол, попал ты, Гуров.

Для нее понятие «генерал» было что-то такое, от чего все должны стоять по стойке «смирно», а не отпускать саркастические шутки. И сколько ни пытался Гуров объяснить своей жене, что они с Орловым не только коллеги, но и давние друзья, хотя и много лет он ходил у генерала в подчиненных, она стояла на своем: генерал – он и есть генерал.

– Ты сейчас куда собираешься? – Голос генерала был по-прежнему строг.

– На работу, – протянул Гуров, удивленный такой постановкой вопроса.

– Я понял, что на работу, но куда именно: сюда, в контору, или сначала собирался куда-нибудь заехать?

– Я сейчас занимаюсь делом банкира Семенова, убитого три дня назад; так вот я собирался заехать к нему в банк и еще раз опросить некоторых свидетелей.

– Не надо куда-то заезжать. Через час жду тебя у себя в кабинете. Подождут твои свидетели. Все ясно?

– Да куда уж ясней, – ответил Лев Иванович невеселым голосом, понимая, что в ближайшее время скучать не придется. Опять, наверное, убили какую-нибудь «шишку». «Готовьтесь, полковник Гуров, к бессонным ночам, к бутербродным обедам и сумасшедшим гонкам по городу в поисках свидетелей», – успел подумать Лев, слушая генерала.

Положив трубку, он вернулся за стол и равнодушно посмотрел на оставшиеся плюшки. Есть уже не хотелось.

– Тебя что, с работы уволили без выходного пособия?

– Что? – Гуров перевел взгляд на Марию. – Что ты сказала? Кого уволили?

– Да у тебя такой вид, как будто тебя уволили с работы без пенсии и выходного пособия. Что случилось? Рассказывай.

– Да ничего особенного, – отмахнулся Лев Иванович.

– Ну, раз ничего особенного, то и нечего расстраиваться по пустякам, – подбодрила его Мария. – Вы, товарищ Гуров, – полковник, а не кисейная дамочка.

– Слушай, и вправду, чего это я? Может быть, это все далеко не так, как я себе нарисовал, – взбодрился Лев. – Сейчас поедem, разберемcя, что этому генералу надо. – Он потер ладони и подмигнул жене. – Но бутерброды все-таки приготовь, – попросил он Марию, выходя из кухни.

Поставив машину на стоянку возле здания конторы, Лев двинулся к широкой бетонной лестнице, ведущей к таким же широким и высоким дверям. Контора с самого ее открытия находилась в старинном здании сталинской постройки, где все было сделано с размахом. Потолки высокие, лестницы широкие, массивные – и так во всем. Сделано, как говорится, на века. Единственный минус был в том, что здесь не было лифта. Поговаривали, что когда-то, как только здание передали следственному ведомству, там хотели прорубить в стене шахту и установить лифт. Но архитектор, которому это поручили, оказался мужик неглупый и знающий в своем деле толк; так вот, он сумел отговорить от этой сумасшедшей идеи высокопоставленное начальство, объяснив это тем, что, если нарушить конструкцию и целостность здания, оно не прослужит и десяти лет. А так будет стоять еще лет эдак тридцать, а то и больше. Начальство прикинуло и приказало строительство лифта свернуть.

Полковник Гуров на отсутствие лифта не сетовал, наоборот, был рад, что, не выполняя никаких специальных упражнений, можно было поддерживать себя в форме. В иной день приходилось не один раз бегать по этажам в поисках какого-нибудь эксперта или специалиста.

Поднявшись к себе на этаж, полковник посмотрел на часы. Оставалось еще десять минут до времени «Ч». «Успею зайти к себе в кабинет», – подумал Гуров, но воплотить задуманное не успел.

– Лев Иванович, а я как раз к вам! – услышал сыщик за спиной тонкий женский голосок.

Он не спутал бы этот голос ни с чьим другим, настолько он успел выучить его за время пребывания у генерала. Это была Верочка, секретарша Орлова. Секунду подумав, Гуров повернулся и расплылся в улыбке. «Она ни в чем не виновата, как и я, просто выполняет приказ начальства», – подумал Гуров, а вслух сказал:

– Доброе утро, Верочка! Вы меня искали? А зачем? Хотя постойте, попробую угадать... – Лев приставил указательный палец к губам. – Меня вызывает к себе генерал Орлов. Я угадал? – Палец переместился в сторону секретарши.

– Вот что значит настоящий сыщик. Сразу вычислили, что к чему. И как вы так можете? – заулыбалась Верочка, принимая игру полковника.

Гуров посмотрел на часы. Времени на раздевание не осталось, и он, выставив вперед руку, серьезно сказал:

– Ну что же, ведите. Надо так надо.

* * *

Они работали вместе уже много лет. Дружили домами, были близкими друзьями, знали и понимали друг друга настолько хорошо, насколько могут только близкие по духу люди. Они, как принято сейчас говорить, «были на одной волне». Генералу Орлову было без малого шестьдесят. Невысокий, склонный к полноте, но крепкий. Непропорционально большая голова с шишковатым лбом, бровки белесые, небольшие упрятанные глазки, нос картошкой, который генерал имел привычку постоянно тереть, как будто бы пытался придать ему другую форму. В общем, внешностью его бог не наградил. Свой генеральский мундир он надевал в случаях неординарных, в основном же носил штатский костюм, в котором походил на какого-нибудь заводского мастера или инженера.

Гуров же был полной его противоположностью. Высокий, статный, отчего казался еще выше. Всегда элегантно одетый. Короткая стрижка с безукоризненным пробором. В широко распахнутых глазах, то ли голубых, то ли серых, постоянно сквозила насмешка, адресованная прежде всего самому себе. Ведь он прекрасно знал достоинства своей внешности. Относился он к ней философски, порой говорил: мол, черт с ним, с этим Гуровым, у него масса недостатков. И был абсолютно прав – недостатки наличествовали в нем в избытке. В нем всего было с

избытком. Поэтому люди, окружавшие Гурова, могли либо любить полковника, либо ненавидеть. Равнодушных не было.

Такие разные, они с генералом встретились в МУРе, когда одному было за двадцать, а другому – под сорок. Поначалу невзлюбили друг друга, но вода камень точит. И они стали друзьями.

Станислав Крячко, лет сорока с небольшим, вроде бы обладал внешностью заурядной, если бы не глаза, которые по большей части бывали насмешливыми, хитрыми, умными. В их связке Гуров был ведущий. Крячко признавал старшинство друга без комплексов, часто с радостью. Много лет назад Гуров работал в МУРе в группе Орлова, но вскоре сам возглавил группу; в нее и пришел Стас. Он был немного моложе Гурова, но тоже полковник, опер-важняк. Он не обладал стратегическим мышлением, как Орлов, и не мог сравниться с Гуровым как психолог и тактик, но в сыщицком чутье друзьям не уступал.

Сегодняшним утром они втроем встретились в кабинете генерала. Гуров пришел первый, за ним буквально через пять минут явился Крячко, а Орлов уже час как восседал в своем кожаном кресле, ожидая подчиненных.

– Присаживайтесь. – Генерал показал на стулья, расставленные вдоль длинного стола, за которым обычно проводились разного рода совещания.

Стас последовал приглашению Орлова, а Гуров прошел к окну и сел в давно полюбившееся ему кресло. Уловив слегка недовольный взгляд генерала, Лев сказал:

– Поясница что-то пошаливает со вчерашнего дня.

Орлов сделал вид, что поверил.

– Позвал я вас к себе, чтобы сообщить не очень приятную новость, – начал Орлов, прокашлявшись.

– Нас отправляют на пенсию? – Гуров вспомнил слова Марии насчет увольнения без выходного пособия.

– Почти угадал. – Генерал стрельнул в сыщика суровым взглядом, и тот поднял руки, мол: «Молчу, молчу».

– Начну с самого начала, чтобы все было предельно ясно. Вчера около девятнадцати часов вечера в одном из театров города случилось убийство.

– Артисты не поделили главную роль? – усмехнулся Стас.

– Если бы. Выстрелом из пистолета был убит ведущий актер. Причем прямо на сцене. Убийца не найден. – Генерал встал и прошелся по кабинету.

– Поклонник-маньяк, что ли? – поинтересовался Гуров. Теперь ему было не до шуток, ведь его Мария тоже работала в театре.

– Не похоже. Слишком чисто сработано. Оружие не найдено, свидетелей тоже нет. Убийца стрелял откуда-то с галерки, а там в это время никого не было. – Генерал остановился возле окна и, повернувшись к сыщикам, продолжил: – Но самое интересное, что после обыска в гримерке у этого самого артиста была найдена профессиональная винтовка с оптическим прицелом. После проведенной экспертизы выяснилось, что из нее было совершено несколько заказных убийств, в том числе и убийство твоего банкира. – Он посмотрел на Гурова.

– И теперь это дело передают нам, я правильно вас понял? – Гуров встал, подошел к окну и, открыв форточку, достал сигареты.

Генерал вернулся к себе в кресло. Он прекрасно понимал состояние друга. Убийство в театре... Хотя за годы службы в органах это был первый случай, но когда твоя жена работает в театре и выходит каждый вечер на сцену, кто знает, что может случиться завтра? Не найдется ли такой же отморозок, который начнет стрелять по артистам?

– Конечно, нам, а кому же еще? Приказано отложить все текущие дела и вплотную заняться расследованием этого происшествия, если это можно так назвать... – Говоря эти слова, генерал показал пальцем на потолок, хотя и так было ясно, откуда пришел приказ. –

Самое главное, выяснить, был ли убитый артист тем самым киллером или же это просто подстава. Ну и, конечно, не забывать о том, кто убил самого артиста, хотя я думаю, что с него и надо начинать, так как он, по всей вероятности, приведет вас к ответам на все вопросы.

– А если эти убийства никак между собою не связаны? – предположил Гуров.

– Что сейчас гадать на кофейной гуще? Начнете расследование и выясните, связаны они или нет. – Генерал вытер платком выступившую на лбу испарину.

– Нет ничего хуже, чем начинать расследование не с начала. Наверняка там уже поработали местные спецы, – недовольно высказался Крячко.

Генерал развел руками.

– Прямо сейчас отправитесь в РОВД на Пятницкой и заберете дело. Его начал вести капитан Нестеренко. Заодно и поговорите с ним. Может, что-то интересное для себя узнаете. Там же, кстати, неподалеку находится и сам театр.

– А что хоть за театр? Из известных? – поинтересовался Стас.

– Обычный современный театр, каких сейчас немало. – Генерал нервно отстукивал карандашом по столу. – Еще вопросы есть?

– Нам нужен будет какой-нибудь мастер по компьютерам. Как принято сейчас выражаться, хакер, – подал голос Гуров. – Я уже давно собирался попросить вас включить в нашу команду какого-нибудь человечка, который с компьютером на «ты», но все как-то руки не доходили. А теперь вот, как говорится, сам бог велел.

– Вам что, мало нашего информационного отдела? – удивился генерал.

– Нам нужен человек, который сидел бы в нашем кабинете и по первому требованию извлекал бы нужную информацию, – не отступался Лев Иванович.

– А сами что, не познакомились еще с этим чудом цивилизации? – Генерал посмотрел на стоящий на его столе плазменный монитор. Честно сказать, он и сам мог пользоваться этим чудом техники только на уровне чтения почты, которую получал «оттуда».

– С нашими способностями мы будем топтаться на месте, поэтому нам нужен специалист, – настойчиво повторил Гуров.

– Хорошо, хорошо, будет вам специалист, – согласился Орлов, – а вам напоминаю, что каждое утро жду вас с докладом о том, как продвигается следствие. Надеюсь, вам не стоит напоминать, что мне нужны будут результаты. Там, – генерал снова показал на потолок, – долго ждать не будут, так что постарайтесь в кратчайшие сроки узнать, был ли убитый артист киллером и кто убил его самого.

– Разрешите выполнять? – Гуров картинно приложил руку к виску.

– Идите уже. – Орлов махнул рукой в сторону сыщиков.

* * *

После того как полковники вернулись в кабинет, Гуров достал сотовый телефон. Набрал нужный номер, приложил трубку к уху.

– Алло, Маша? У тебя все нормально?

– Да. А почему ты звонишь? Что-нибудь случилось? – удивилась Мария: муж звонил ей на работу только в крайних случаях.

– В театре у вас нормально? Ничего необычного не происходило за последние дни? – не унимался Гуров.

– Да что, в конце концов, происходит, ты можешь объяснить? – Мария уже стала нервничать, и Лев поспешил ее успокоить:

– Нет, ничего. Просто звоню, чтобы узнать, все ли у тебя нормально. Вот и все.

– У меня все нормально, и я сейчас занята. – Гуров даже представил, как Мария, сказав это, надула свои пухлые губки.

– Ну ладно. До вечера, дорогая, – сказал он как можно спокойнее и нажал на кнопку, прервав связь.

Гуров прошел за свой стол и, сев в кресло, посмотрел на Стаса, который сидел напротив за своим столом в излюбленной позе – закинув ноги на крышку.

– Какие будут мысли?

– По поводу?

– По поводу нового дела.

– Чувствую, придется попотеть. Запутанное какое-то дело. С одной стороны, убийство ведущего актера, но это ладно – можно предположить, что его «замочил» какой-нибудь фанат или что-то в этом роде. А вот винтовка с оптическим прицелом – это уже серьезнее. Кстати, как думаешь, Лев, артист театра мог быть профессиональным киллером? Мне вот что-то в это с трудом верится, – высказал свое мнение Стас.

– Пока трудно что-либо сказать. Надо ехать опрашивать свидетелей, а потом уже строить какие-то предположения. Да, кстати, раз мы коснулись этого вопроса, надо бы разделить обязанности. Кому-то нужно ехать в Пятницкий РОВД, а кому-то в театр – опрашивать свидетелей. Ты что выбираешь? – Гуров сделал хитрое лицо.

– Я бы, конечно же, поехал... – Стас не успел продолжить.

– Я так и думал, что ты хочешь поехать в РОВД за документами. Так уж и быть, мне ничего не остается, как поехать в театр.

Стас сделал удивленно-недовольное лицо и хотел было сказать, что совсем не это имел в виду, но Гуров уже встал из-за стола и, подойдя к двери, сказал:

– Ну, ты едешь или как?

– Ладно, Лев. Один – ноль в твою пользу, – поднимаясь, сказал Стас и, подхватив со стула ветровку, двинулся за Гуровым.

Выйдя на улицу, он остановил друга:

– Спешу сообщить тебе, что я сегодня безлошадный.

– Как? Почему? – Голос Гурова выдавал недовольство, так как он успел прикинуть, что каждый раз придется отвозить и забирать Стаса.

– Да вчера поехал поменять колесо, а когда его сняли, оказалось, что тормозные колодки уже стерлись до «не могу». Пришлось оставить, чтобы поменяли, – объяснил Стас, не обращая внимания на недовольный тон Гурова.

– Ну а что стоим? Вперед на остановку, а то трамваи здесь не так часто ходят. Вперед! – Гуров указал на трамвайную остановку и пошел к стоянке.

– Может, вы все-таки подбросите меня к РОВД, товарищ полковник? Здесь недалеко. Я вам заплачу. У меня даже деньги настоящие есть, – крикнул вдогонку Стас.

– Деньги – это хорошо. – Гуров остановился и повернулся к другу: – Ладно, уговорил, поехали...

На улице была ранняя весна – апрель месяц. На деревьях только-только стали появляться листочки, и солнце как бы боязно выходило из-за туч. По утрам и вечерам было еще холодно, а вот в полдень тепло так, что можно ходить в рубашках. Для сыщиков подобные перемены в погоде не играли никакой роли, они все равно ходили в верхней одежде, в костюмах или куртках. Не носить же пистолеты в открытую. Вот и сейчас Гуров, открывая машину, почувствовал, как прохладный ветерок забрался к нему под куртку, и поежился. Он не любил подобную погоду.

Дорога до Пятницкого РОВД заняла не так много времени. В основном из-за отсутствия пробок на дорогах. В это время многие москвичи уже добрались до своей работы, а оставшиеся бездельники еще спали.

– Желаю удачи, полковник, – остановив машину, сказал Гуров.

– Хорошо тебе... Ты вот сейчас поедешь общаться с культурными людьми, а мне придется сносить на себе недовольные взгляды работников этого замечательного заведения. – Стас покосился на здание РОВД. – Ты же знаешь, как они нас не любят, а тем более когда у них забирают дела, за которые можно было бы получить благодарность, а то и звездочку на погоны. А сейчас как раз тот случай. – Тяжело вздохнув, Стас взялся за ручку дверцы.

– Крепитесь, полковник. – Гуров хлопнул друга по плечу. – Ты, главное, ничего не забудь, – уже серьезно сказал он. – После капитана зайди к экспертам, заведи у них результаты экспертизы и вещдоки. Как будешь готов – звони, я тебя заберу.

– Да уж, пожалуйста, а то меня неправильно поймут в общественном транспорте, с винтовкой-то наперевес, – хохмил Стас, выходя из машины.

Проводив своего напарника, Гуров отправился в театр. Ему было даже любопытно окунуться в закулисную жизнь. Прежде всего интересно, как складываются отношения между артистами. Слыша много раз о том, что богемный мир развратен, ведет беспорядочную половую жизнь, Гуров не особо в это верил, так как сам был мужем актрисы. Он был склонен верить рассказам Марии, а в них она никогда не упоминала о подобных вещах. К тому же те, кто об этом рассказывал, сами слышали эти байки от кого-то другого. «Если это окажется так, то нам это будет только на руку. Ведь тогда получается, что каждый знает друг о друге очень многое, а значит, и сможет рассказать что-то интересное. В постели люди любят делиться самым сокровенным», – думал Гуров, подъезжая к месту.

Здание театра было совсем не похоже на то, каким его себе представлял Лев. Он думал, что увидит какое-нибудь современное здание из стекла и бетона, какие сейчас можно встретить на каждом шагу. Все-таки это был современный театр, а не Большой, который был построен еще в позапрошлом веке. Но его ожидания оказались напрасными. Театр находился в старинном двухэтажном здании прошлого века. Фасад здания украшала красивая лепнина, а по краям широкой лестницы величественно восседали два огромных льва. Кроме того, фасад был тщательно отреставрирован, отчего казался еще более красивым. Гуров постоял некоторое время, разглядывая здание театра и размышляя над тем, что памятники архитектуры надо все-таки сохранять, а не сносить, как это делал прошлый мэр.

Снова подул прохладный ветерок, и сыщик поспешил внутрь. Известное выражение, что театр начинается с вешалки, находило здесь свое подтверждение. В фойе на первом этаже находился большой и вместительный гардероб, за стойкой которого сидела пожилая женщина, читавшая какой-то журнал. Увидев Гурова, она встала и вышла ему навстречу.

– Здравствуйте. Кого-то хотели видеть? – был первый вопрос женщины.

Ее голос был хорошо поставлен, и Лев Иванович сразу понял, что, скорее всего, она раньше сама выходила на сцену.

– Да. Мне бы хотелось встретиться с вашим главным... – Гуров запнулся, подбирая подходящее слово.

В действительности он не знал, кто тут занимает главное место и как называется эта должность: директор, или режиссер, или, может быть, продюсер. Хрен его знает.

Женщина с интересом смотрела на сыщика, пытаясь понять, что он имеет в виду. Наступила неловкая пауза, и Гуров решил обойтись без долгих объяснений, достав свою «корочку».

– Я по поводу вчерашнего убийства.

– Ах вот оно что, – спохватилась гардеробщица. – Так вам к нашему режиссеру Григоровичу. Его кабинет находится на втором этаже. Там на дверях будет висеть табличка с его фамилией, так что мимо не пройдете, – быстро объяснила она и тут же добавила, приложив руки к груди: – Какое горе, какое горе! Ведь он был так молод...

«Надо бы потом поговорить с ней. Возможно, она видела, кто первым выходил из театра. Не исключено, что это мог быть убийца», – подумал Гуров и, поблагодарив женщину, стал подниматься по лестнице.

Нужно сказать, что и внутри здания тоже был порядок. Недавно здесь был сделан ремонт. Стены покрыты современной фактурной краской, которая под определенным светом играла разными оттенками. На окнах Гуров успел заметить новенькие тяжелые бархатные шторы с ламбрекенами. Понятно, что кто-то вложил сюда хорошие деньги, размышлял сыщик, поднимаясь по лестнице. Эта привычка подмечать всякие мелочи выработалась у него давно, когда он еще только начинал работу в органах. Он сразу смекнул, что разного рода мелочи, на которые многие его коллеги не обращали внимания, на поверку оказывались очень важными уликами или доказательствами.

Поднявшись на второй этаж, Лев оказался на перепутье. Дело в том, что лестница делила коридор на две равные половины, и поэтому понять, где находился кабинет режиссера, не представлялось возможным. Секунду подумав, сыщик решил идти наобум. Гардеробщица ведь говорила о табличке на дверях режиссера, а значит, в любом случае долго искать не придется. По пути Гурову встретились несколько человек, одетые в старинные одежды. Дойдя почти до конца крыла, Лев понял, что ошибся в своем выборе. Как раз в это время буквально в двух шагах от него открылась дверь, и из нее вышел мальчик в костюме паж. Гуров шагнул к нему навстречу.

– Ты не подскажешь, где находится кабинет режиссера Григоровича?

Когда «паж» приблизился, Гуров смог разглядеть его получше. И это был никакой не мальчик, как показалось сначала Гурову, а довольно взрослый молодой человек.

– Вам в обратную сторону. – Актер показал рукой в сторону другого крыла. – После лестницы третья дверь, – объяснил «паж» и поспешил удалиться.

«Кого тут можно будет найти? Да здесь так загромируют, что родная мать не узнает», – подумал Гуров, смотря вслед уходящему артисту.

Через три минуты сыщик уже стоял перед дверью с табличкой, на которой было написано: «Вениамин Сигизмундович Григорович». «Ну и имя, хрен выговоришь», – подумал Гуров. Постучав в дверь, он, не дожидаясь разрешения, вошел в кабинет. За массивным дубовым столом сидел мужчина средних лет, примерно одного возраста с Гуровым, в безупречном костюме и с ярким шелковым платком на шее. При появлении сыщика режиссер поднял вверх правую бровь.

– Чем могу служить? – Он отложил в сторону какие-то бумаги.

Гуров, ничего не отвечая, прошел к столу и, развернув свое удостоверение, показал его хозяину кабинета.

– А-а, понятно. Вы по поводу вчерашнего убийства нашего артиста? Но вчера у нас уже были ваши коллеги... – Режиссер развел руками.

– Дело серьезное, поэтому я думаю, вам еще не раз придется встречаться с нами и отвечать на вопросы.

– Ну что же, готов ответить на все ваши вопросы. Прошу. – Режиссер показал на широкое кресло, стоящее напротив. – Чай, кофе?

– Нет, благодарю, – отказался Гуров.

Режиссер откинулся на спинку кресла, всем своим видом показывая, что готов к допросу. При близком рассмотрении Гуров смог сделать некоторые выводы в отношении собеседника. Ну, во-первых, темные круги под глазами и нездоровый цвет лица говорили о том, что Григорович не прочь был пропустить рюмку-другую. Во-вторых, он не мог долгое время смотреть в глаза сыщику, постоянно отворачиваясь то к окну, то к шкафу, который стоял слева. А это уже говорило о том, что за ним были какие-нибудь грешки: может, он был не в ладах с налоговыми декларациями. Честные люди, как правило, смотрят в глаза собеседнику.

– Давайте начнем с самого начала, – Гуров отбросил ненужные мысли.

Ему сейчас надо было составить картину произошедшего вчера, чтобы знать, от чего отталкиваться, ведь он даже фамилию убитого не знал. По-хорошему надо было сначала

забрать документы из Пятницкого РОВД, изучить их, а уж потом отправляться в театр; но по своему долгому опыту Гуров знал, что в таких делах лучше не терять времени. Если преступление не раскрывается по горячим следам, то оно, как это часто бывает, переходит в разряд «глухарей». К тому же люди склонны быстро забывать то, что с ними произошло, – имеется в виду что-то плохое. И, как правило, в первую очередь теряются всякие мелочи, так необходимые сыщику. Поэтому Гуров и отправился сразу сюда. И так уже прошла целая ночь с момента убийства.

– На вчерашний день у нас была назначена премьера спектакля по пьесе известного американского драматурга Гарольда Шелдона. Пьеса называется «Тройка».

Далее режиссер поведал сыщику, что все происходило как обычно. А в конце первого акта, когда на сцене были Полянский и Билиербах и играли главную сцену в первом акте, раздался выстрел. После этого Полянский упал замертво с кровавым пятном в левой части груди. А после этого началось что-то невообразимое. Зрители, сбивая друг друга, понеслись к выходу. Дальше приехала полиция, и после обыска в гримерке убитого была найдена винтовка, после чего полицейские удалились. Таков был рассказ режиссера, из которого Гуров смог сделать только один вывод: Григорович сам не понимает, как такое могло произойти в его театре и кому это было нужно. Его прежде всего интересовало, кто мог стрелять в Полянского. О найденном у него оружии он рассказал как бы вскользь, не придавая этому должного значения, как будто бы это было какое-то недоразумение.

– Скажите, как давно у вас работает... вернее, работал этот Полянский? – задал первый вопрос Гуров, когда режиссер закончил свой рассказ.

– Три года, – сразу ответил Григорович. – Если вам нужна точная дата, я могу поднять документы.

– Этого пока не требуется. Скажите, сколько человек у вас в труппе?

– Актёров или вы имеете в виду весь коллектив? – вопросом на вопрос ответил режиссер.

– Всех.

– Вы знаете, коллектив у нас небольшой. Все-таки мы, как говорится, работаем сами на себя, и поэтому держать лишних людей нет ни желания, ни возможности. На сегодняшний день у нас в театре работают двадцать три человека.

Гуров не зря задал этот вопрос. Сейчас его больше всего интересовало, насколько может затянуться опрос свидетелей. Прикинул, что на каждого человека он потратит как минимум десять минут, и получается приличная цифра в часах. Можно было с уверенностью предположить, что он может здесь задержаться до самого вечера. А ведь еще надо будет забрать Стаса из РОВД...

– Скажите, а вчера все двадцать три человека были в театре? Или, может, кто-то отсутствовал? – Лев надеялся услышать положительный ответ на свой второй вопрос – и не ошибся.

– Нет, что вы! У нас не все работают на полную ставку, поэтому вчера были только те, кто непосредственно участвовал в премьере. Это актёры – десять человек, – режиссер стал загибать пальцы, – осветитель, механик, Эльза Эммануиловна – гардеробщица, ну и я, естественно. Хотя нет, постойте. Перед самым началом я видел здесь Дениса Котова – это наш художник-постановщик. Я еще подумал тогда, почему он здесь – ведь он отпрашивался, сказав, что приболел.

– А я могу сейчас поговорить с этим художником? – делая пометки в записной книжке, спросил Лев.

– Нет. Он позвонил сегодня с утра и сказал, что свалился с высокой температурой, пришлось даже вызывать «Скорую». Кстати, должен вам сказать, что у нас многие работники попросили отгулы на пару дней, и я их отпустил. Знаете, после того, что случилось, надо как-то прийти в себя. Я их прекрасно понимаю. Скажу вам честно, я и сам побыл бы несколько дней дома, но, знаете ли, не могу. Сейчас надо думать, как выкручиваться из этой ситуации.

Гуров нахмурил брови, не совсем понимая, о чем говорит Григорович.

– Ведущего актера нет, и надо думать, кем мы сможем его заменить, – объяснил режиссер.

– Скажите, а у Полянского могли быть враги? Я имею в виду его коллег-актеров. Ну там, предположим, из-за главной роли, например? – Лев убрал в карман свой блокнот.

– Прекратите, полковник. Вероятно, вы наслушались дешевых историй о том, что актеры непременно должны ревновать друг к другу. Скандалить, капризничать, если им долго не дают хороших ролей. Это далеко не так. Все это вчерашний день. Сейчас с актерами никто не носит. Если будут капризничать и топтать ногами, их просто выкинут из театра, и они пополнят толпу безработных артистов. Сейчас всем нужны послушные исполнители режиссерской воли – ну и, конечно, индивидуальности, куда же без этого?

– А как же может сочетаться в одном человеке одно с другим: послушные исполнители и личности? – не удержался Гуров.

– Это уже их проблемы. Хочешь жить – умей вертеться. Сейчас многое изменилось в жизни театра. Раньше – к примеру, лет тридцать назад – актер был царь и бог. С ним считались, его ублажали, носились с ним и с его капризами. Особенно ежели талант... Сейчас талантливых маловато, но хороших ремесленников много, поэтому можно сказать, что все актеры сейчас на одном уровне, – закончил Григорович.

– Спасибо за лекцию. И все-таки я бы хотел поговорить с теми, кто сейчас находится в театре и кто вчера был здесь во время премьеры.

– Знаете, сейчас у нас репетиция, а вот когда она закончится – пожалуйста, – любезно согласился режиссер.

– Хорошо. Тогда попросите, пожалуйста, никого не расходиться после репетиции. – Гуров встал из-за стола. – А во сколько она заканчивается? – Лев Иванович подумал, что, возможно, за это время успеет забрать Стаса.

– Через двадцать минут. – Григорович посмотрел на часы.

– Тогда, чтобы не терять зря времени, я хотел бы осмотреть гримерку Полянского.

– Конечно, конечно. Я вас сейчас провожу. – Григорович поспешно переложил на столе какие-то бумаги и направился к двери.

Гримерки артистов находились на этом же этаже. Пройдя прямо по коридору, они оказались у оклеенной афишами двери. Достав ключ, Григорович открыл дверь.

– Прошу.

Гримеркой оказалась маленькая комната, в которой стоял стол с огромным зеркалом, платяной шкаф, несколько стульев и большой ящик, сплошь набитый театральными костюмами. Лев покрутил головой. На первый взгляд не было ничего такого, что могло бы заинтересовать сыщика, но Гуров был из тех, кто отлично понимал, что личные вещи человека могут рассказать о своем хозяине многое. Тот бардак, который царил здесь, говорил о том, что Полянский был полностью погружен в свою профессию, не придавая значения таким мелочам, как порядок в гардеробе или на гримировочном столе. А это было как раз полной противоположностью тому поведению, которое присуще наемным убийцам. Те, наоборот, всегда любили во всем порядок – эдакие педанты...

Теперь Лев хотел посмотреть, где произошло убийство, и составить картину произошедшего. Спустившись на первый этаж, он подошел к гардеробщице, повторяя про себя ее имя.

– Эльза Эммануиловна, – обратился к женщине Гуров, – вы вчера были в театре, когда произошло убийство?

Женщина сняла очки – она читала журнал – и вышла из-за стойки.

– Да. Я каждый день работаю.

– Можете рассказать, как все происходило? – Гуров сложил руки за спиной.

– Что именно вас интересует?

– Что происходило, когда прозвучал выстрел?

– Началось настоящее столпотворение. Зрители выскочили из зала и, толкая друг друга, стали выбегать из театра. Многие даже забыли свои вещи. – Она показала на висевшую на вешалках верхнюю одежду.

– А скажите, Эльза Эммануиловна, до этого ничего не происходило? Может быть, вы заметили что-то необычное, чего не происходит каждый день?

– Нет, вы знаете, все было как всегда... – Женщина приложила палец к губам, пытаясь вспомнить подробности.

– Ладно. Если что-то вспомните, позвоните мне, пожалуйста. – Гуров вытащил из кармана визитку и протянул женщине.

Эльза Эммануиловна внимательно изучила написанное на визитке и пообещала:

– Память у меня пока еще хорошая. Если вдруг что-то вспомню, обязательно позвоню. – Она убрала визитку в карман.

– Теперь вы можете мне показать, где произошло убийство?

– В главном зале. Это вот там. – Гардеробщица показала на широкие двери.

Главным залом оказалось довольно просторное помещение с рядами кресел. Открыв дверь, Гуров сначала остановился на пороге. В зале было темно. Через мгновение, когда его глаза привыкли к полумраку, он заметил, что в конце зала на сцене горит свет и там что-то происходит. Прикрыв за собой дверь, сыщик двинулся на свет. На сцене актеры, которых он встретил в коридоре, играли какую-то сцену. Тут же был и тот самый «паж», что показал ему дорогу к кабинету режиссера. Лев не стал подходить близко, а, остановившись посередине зала, посмотрел назад, пытаясь представить, откуда могли стрелять. «Из зала – навряд ли. Только дурак мог встать со своего места и выстрелить, когда вокруг столько народу. Значит, получается, что стреляли откуда-то сверху». Гуров поднял голову и увидел, что здесь имеются балконы для VIP-персон. Как раз в это время раздался громкий голос из зала, сопровождающийся хлопками в ладоши:

– Перерыв полчаса!

Гуров решил, что балкон пока подождет, и направился к артистам.

* * *

После того как Гуров высадил Стаса возле здания Пятницкого РОВД, тот, не теряя времени, направился в дежурку. Ему хотелось побыстрее разобраться с этим делом. Стас отлично понимал, что его ждет в отделении, и поэтому не тешил себя мыслями, что все пройдет, как говорят, «без сучка и задоринки». Он, как никто другой, знал, что будут и «сучки», и те самые «задоринки», с которыми ему не раз приходилось сталкиваться в подобных ситуациях. В их работе не раз и не два приходилось забирать уже начатые дела, и, конечно же, такому факту никто не был рад. Ну, во-первых, какая-никакая работа уже проделана; а во-вторых, не каждое отдаваемое дело грозило остаться нераскрытым, а это опять же поощрение или даже премия. Все это полковник знал не понаслышке и поэтому сразу настроил себя на предстоящую недоброжелательную встречу с коллегами.

Показав дежурному свою «корочку», Стас сказал:

– Мне к начальнику. Он на месте?

– Да. Третий этаж, вторая дверь направо.

Пройдя турникет, Крячко стал подниматься по лестнице. Найдя нужный кабинет, полковник постучал.

– Войдите, – услышал он за дверью.

Кабинет, в который вошел Крячко, был похож на кабинеты чекистов, которые так часто показывали в фильмах. Массивный стол, тяжелые шторы, на высоком сейфе бюст Дзержинского. Ничего лишнего, никаких изысков, так часто сейчас встречающихся в подобных каби-

нетах. За столом сидел пожилой мужчина с шапкой седых волос на голове. На нем был мундир с погонами полковника.

«Старый вояка, сразу видно», – подумал Стас, подходя к хозяину кабинета.

– Вы из Главка? Мне уже звонили. Присаживайтесь, я сейчас вызову капитана, который занимается этим делом. Вас, кстати, как зовут?

– Станислав Андреевич. – Крячко все же вытащил удостоверение и показал начальнику РОВД.

– А меня – Василий Иванович, – представился полковник.

«Прямо Чапай», – мелькнуло у Стаса в голове.

– Чай, кофе? – предложил «Чапай».

– Нет. Спасибо, – отказался Стас.

Нажав кнопку на селекторе, полковник приказал:

– Татьяна, срочно вызовите ко мне капитана Нестеренко. Он должен быть на месте. – Повернувшись к Стасу, он объяснил: – Я предупредил его, чтобы он никуда не отлучался, так что сейчас будет.

И вправду, буквально через пять минут в кабинет постучали, и на пороге выросла фигура капитана.

– Проходи, присаживайся. – Полковник показал на место напротив Стаса. – Что там у тебя по вчерашнему убийству в театре?

– Работаем, товарищ полковник. Вчера я опросил свидетелей, отправил винтовку экспертам. Сегодня собирался снова поехать в театр провести повторный опрос. Есть кое-какие нестыковки.

– Значит, так, капитан. Ехать никуда не надо. Этим делом теперь будет заниматься другое ведомство. Вот Станислав Андреевич, передашь ему все, что у тебя есть по этому делу. – Полковник показал рукой на Стаса.

От Крячко не укрылось то, с какой неприкрытой злобой посмотрел на него Нестеренко.

– Все понятно, – недовольно произнес капитан. – Разрешите выполнять? – Он поднялся из-за стола.

– Разрешаю. – «Чапай» показал на дверь, посмотрев на Стаса, как бы говоря: «Ты тоже можешь идти, я тебя не задерживаю».

Капитан, выйдя из кабинета, сразу «рванул» вперед, и Крячко пришлось поспешать за ним, чтобы не потеряться в отделении. Остановившись возле видавшей виды двери, капитан все же оглянулся. «Значит, не все еще так плохо», – подумал Стас и вошел следом за капитаном.

– Извините, товарищ полковник, чаю не предлагаю за неимением кипяточка, – язвительно сказал Нестеренко, проходя к своему столу.

– Спасибо, я не голоден, – в таком же тоне ответил Стас, покосившись на тумбочку в углу, на которой стоял электрический чайник, из носика которого тонкой струйкой поднимался пар.

Покопавшись в сейфе, капитан достал тонкую папку и, положив на стол, подвинул ее рукой к Крячко.

– Вот это все, что удалось неумехам из райотдела накопать за один день расследования.

– Послушай, капитан, я вижу, ты мужик бывалый, поэтому давай без этого тона. А то можно подумать, что это моя прихоть. Я, как и ты, выполняю приказы начальства, – сказал Стас, беря в руки папку.

Капитан щелкнул языком, потом посмотрел в окно, а когда снова повернулся к Стасу, выдал свое заключение:

– Глухое дело. Ни свидетелей, ни улики. Ничего. Оружие на месте преступления не найдено. Пальчиков на винтовке тоже нет, поэтому я даже рад, что вы его забираете. Мне хватает и своих «висяков».

Стас почувствовал, что «разговор пошел», и, пододвинув к себе стул, сел напротив капитана.

– Что, вообще ничего нет? – Он открыл папку, полистал листки допроса.

– Да, глухо, как в танке, – махнул рукой капитан. – Стопроцентный «глухарь».

– Ладно, будем разбираться. А что говорят эксперты?

– Я еще к ним не заходил, – честно признался Нестеренко.

«Не особо ты занимался этим делом, раз еще не знаешь результатов экспертизы. Надо будет все начинать сначала», – подумал Стас, а вслух сказал:

– Ну что, тогда пойдем вместе узнаем? Заодно и покажешь, где они тут у вас обитают.

– Да они тут, рядом, в соседнем здании, – ответил капитан и стал перекладывать бумаги на своем столе.

В это время в кабинет вошел старший лейтенант, видимо, напарник капитана.

– Ну что, Иванович, едем в театр? – спросил он.

– Не едем. – Нестеренко посмотрел на Крячко.

Стас понял, что сейчас может начаться все сначала, поэтому поспешил удалиться, попрощавшись с коллегами.

По дороге в экспертную он набрал номер Гурова. После долгих гудков раздался голос напарника:

– Гуров на проводе. Как дела, Стас? Уже закончил?

– Почти. А ты?

– А мне, товарищ полковник, придется пробыть здесь как минимум еще часа три.

– Если я правильно понял, ты меня не заберешь?

– Ваша догадливость, товарищ полковник, просто поражает, – ответил Гуров и тут же добавил: – Я бы, конечно, с удовольствием, но обстоятельства, сам понимаешь.

– А как же быть?

– Если ты по поводу винтовки, то не переживай. Пусть они ее сами отправят. В конце концов, это их обязанность. Ты только заведи все бумаги по этому делу – ну, и результаты экспертизы, – а вещдоки они потом пришлют. Или, на крайний случай, завтра заедем и заберем, – объяснил Гуров.

– Спасибо за совет, друг, – усмехнулся Стас уголками губ.

– Да ничего не надо – детям чего-нибудь купишь, – ответил ему в тон Гуров.

– Ты еще появишься в конторе? – Стас посмотрел на часы.

– У тебя что, восприятие реальности нарушилось? Посмотри на время, еще только обед. Конечно же, буду. А если вы, товарищ полковник, решили сегодня «закосить» от работы, то у вас ничего не получится. В общем, давай, Стас, увидимся в конторе.

* * *

На часах было уже почти четыре часа пополудни, когда сыщики встретились в кабинете Гурова. Лев, молча полистав привезенную Стасом папку, спросил напарника:

– На словах ничего не передавали?

– Здоровья пожелали, – отмахнулся Стас.

– Ты сам-то смотрел протоколы допроса? – Лев отложил в сторону дело и достал свой блокнот.

– Смотрел, а что толку? Сам видишь, там все как под копирку. Никто ничего не знает, никто ничего не видел.

– В первую очередь надо навести справки об этом Полянском. Кстати, – Лев поднял указательный палец вверх, – где наш «хакер»?

– Так он, может, и был, а нас-то на месте не было...

- Сейчас мы это дело исправим. – Лев стал набирать номер генерала.
- Ты на часы посмотри. Через полчаса в конторе уже никого не будет.
- Неважно. Полчаса – это, Стас, тридцать минут, а за это время можно успеть многое, – серьезно ответил Гуров, приложив телефон к уху. – Товарищ генерал? Это Гуров. Помнится, вы сегодня обещали нам найти спеца по компьютерам.
- Было дело, – согласился Орлов.
- Мы сейчас в кабинете и что-то не наблюдаем никого лишнего, только я и Стас.
- Парень уже готов приступить к работе, ждали только вашего приезда. Раз вы на месте, я сейчас распоряжусь, чтобы он отправлялся к вам. Смотрите только, без всяких там ваших штучек. Парень молодой, только недавно у нас работает, но специалист нормальный, свое дело знает, как мне объяснили. Все, ждите.
- Ну, что? Как всегда, Петр все забыл? – спросил Стас, усмехнувшись.
- Можешь удивляться, но генерал пообещал сейчас прислать нам спеца.
- Не прошло и десяти минут, как в дверь постучали.
- Входите, не заперто! – сказал Стас, сидевший ближе к двери.
- Открылась дверь, и на пороге появился паренек лет двадцати.
- Здравствуйте. Можно?
- Проходи. Тебя генерал Орлов прислал? – спросил Лев, разглядывая парня.
- Нет. Начальник информационного отдела, где я работаю, – растерянно ответил паренек.
- Ладно, не важно. Проходи, садись. – Гуров показал на стул возле своего стола. – Как тебя зовут?
- Илья. Илья Сидоров, – добавил паренек.
- Меня зовут Лев Иванович, а это – Станислав Андреевич. – Гуров показал на Стаса, который с интересом смотрел на нового члена команды. – Нам рекомендовали тебя как профессионального «хакера». Мастера в своем деле. Это так? – Гуров прищурил глаза.
- Ну, кое-что могу, – смутился Илья.
- Кое-что и мы можем. – Гуров посмотрел на Стаса. – А нам нужен хороший компьютерщик. Профессионал. Нас обманули? – Лев сдвинул брови.
- Да нет, никто вас не обманул. Просто я не люблю хвалиться своими подвигами, так как есть люди, и покруче меня разбирающиеся в компьютерах.
- Понятно. Но на будущее запомни: никогда не надо стесняться того, что ты действительно умеешь делать. А сейчас тащи сюда свой рабочий инструмент, – Гуров кивнул на стоящий у него на столе монитор, имея в виду компьютер. – А мы пока тебе рабочее место подготовим.
- Илье не надо было повторять два раза. Через секунду его шаги уже были слышны за дверью.
- Не круто ты с ним? – Стас встал из-за стола и подошел к напарнику.
- Пусть сразу поймет, с кем ему предстоит работать, а то, знаешь, сейчас эта молодежь расслабленная немного...
- Ага. И чтобы сразу понял, кто здесь главный. Правильно? – ехидно спросил Крячко.
- Лев посмотрел на друга, прикидывая, что ему ответить, но потом передумал.
- Давай стол переставим. – Он показал на одиноко стоящий в углу стол.
- Давай, – вздохнув, согласился Стас.
- После того как стол для Ильи был передвинут, сыщики продолжили разговор.
- Кстати, я что-то не заметил в деле заключение баллистической экспертизы. – Гуров постучал пальцем по тонкой папке, лежавшей слева.
- Догадайся с трех раз, – скривился Стас.
- Не сделали, что ли? – не поддержал шутку друга Лев.

– Конечно, не успели. Объяснили, что вчера было некогда, а сегодня еще не успели начать, как пришло указание передать дело.

– Так. Понятно. Значит, результаты будут не раньше завтрашнего дня, – констатировал Лев.

В это время дверь распахнулась, и в кабинет вошел Илья. Вернее, от Ильи были только ноги. Все остальное было «сотворено» из процессора, монитора, клавиатуры, коробки с дисками и всякими шнурами.

– Ну что сидишь, Стас? Помоги парню, – то ли приказал, то ли попросил Гуров.

Хмыкнув, Крячко вышел из-за стола.

Быстро подключив все шнуры и установив компьютер, Илья сказал:

– У меня все готово.

Лев посмотрел на часы:

– Минут десять у нас еще есть. Нам нужна полная информация на одного человека.

– Фамилия, имя, год рождения? – четко, по-деловому спросил Илья.

Гуров открыл папку и продиктовал:

– Полянский Сергей Игоревич, тысяча девятьсот восьмидесятого года рождения.

Минут пять в кабинете стояла гробовая тишина, лишь Илья изредка нажимал на какие-то клавиши. В конце концов, повернувшись к Гурову, он сказал:

– Полной информации получить не удастся. Вернее, так быстро не получится. Этот Полянский проживал в Москве только последние три года.

– Понятно. Тогда сейчас по домам, а завтра продолжим, – вставая из-за стола, сказал Гуров.

– Я могу дома все сделать, – неожиданно предложил Илья.

– Было бы неплохо, – согласился Лев, надевая ветровку. – А сейчас по домам. Кстати, завтра раньше восьми не приходи, будешь топтаться под дверями.

– Восми? – удивился Стас, ведь они приходили к девяти.

– Да, завтра к восьми. Надо многое успеть, к тому же в девять на доклад к генералу. Не забыл? – пояснил Гуров, открывая дверь и пропуская вперед компьютерщика.

Выйдя на улицу, Илья протянул руку:

– До свидания.

– Счастливо, – попрощался Гуров.

– Завтра не опаздывай, – добавил Стас, прощаясь с парнишкой.

Уже в машине Лев спросил друга:

– Как тебе парень? По-моему, ничего.

– Ничего, Лев, – это отсутствие чего-либо, – сумничал Крячко. – А парень, по-моему, нормальный. По крайней мере, не из той современной молодежи, которая только и знает, что пиво сосать по лавочкам да бедных граждан по голове битой шарахать.

– Завтра придется покататься по городу, – покосившись на Стаса, сказал Гуров.

– Хочешь посмотреть достопримечательности столицы?

– Ага. Почти. – Лев отвернулся к окну. – Некоторые свидетели произошедшего взяли себе отгулы. Тонкая душа артиста не может перенести подобного.

– Можно подумать, для тебя убийство человека уже стало как само собою разумеющееся... – Стас вытащил пачку сигарет и хотел было закурить, но Гуров предупредил его:

– У себя в машине будешь курить, а в моей – не надо.

– Ага, поначалу все так говорят, а потом шуруют напропалую, – ответил Стас и сигареты не убрал.

– Что будет потом – мы посмотрим, а сейчас не разрешаю, – категорично сказал Лев, останавливаясь на светофоре.

Следующие несколько минут ехали молча. Стас сидел с обиженным видом, но Гуров как будто бы и не замечал этого.

Въехав во двор, где жил Крячко, Гуров спросил:

– За тобой завтра заезжать или сам доберешься?

– Да не надо, зачем? Мне тут всего шесть остановок, я могу и пешком пройтись.

– Для здоровья полезно иногда пешком пройтись, – согласился с ним Лев.

– То-то я смотрю, ты каждый день с утра километры наматываешь от дома до работы...

И в основном все пешком...

– Ладно, умник, иди и спи спокойно – завтра за тобой заеду, – пообещал Гуров, прощаясь с другом.

Проводив Стаса, он набрал номер Марии. Долго никто не снимал трубку, и сыщик уже стал нервничать. Наконец на том конце прозвучал голос жены:

– Да, Лева!

– Я сейчас еду домой. За тобой заехать?

– Я пока еще буду занята. Освобожусь примерно через час, – пояснила супруга. – Кстати, Лев, ты бы не мог заехать в магазин и купить бутылку вина?

– А что, у нас будут гости? – удивился Лев.

– Нет. Дома расскажу, – пообещала Мария и повесила трубку.

* * *

Приехав домой, Гуров завалился на диван и включил телевизор, где как раз шла реклама.

«Современный театр «Фурор» приглашает всех желающих посмотреть новую постановку режиссера Григоровича под названием «Тройка», по пьесе известного американского драматурга Гарольда Шелдона». Дальше шло перечисление актеров, участвующих в пьесе. «Каждый отрабатывает свои деньги, – подумал Гуров. – Человека уже нет, а рекламное агентство, которое нанял Григорович, скорее всего, еще об этом не знает». Незаметно для сыщика его мысли перенеслись к театру «Фурор», а вернее, к убийству в этом театре.

«Если предположить, что Полянского убрали как важного свидетеля по одному из заказных убийств, то искать исполнителя – глухое дело. Наверняка он не оставил ни единой зацепки».

С такими мыслями Лев задремал. Проснулся он от звука открываемой двери. Это была Мария.

– Лева-а! Я пришла! – сообщила она с порога.

Гуров нехотя поднялся с дивана и потопал встречать жену. Увидев заспанного мужа, Мария сказала:

– Я думала, он тут ужин готовит, а он дрыхнет без задних ног.

Мария пыталась быть веселой, но Лев почувствовал тревогу в ее голосе. «Возможно, она уже в курсе убийства», – подумал он, принимая у жены плащ.

– А ты вино купил?

– Купил, – ответил Гуров, направляясь в кухню.

Пока Мария переодевалась и смывала косметику, Лев разогрел ужин и открыл бутылку вина. Когда они сели за стол, Гуров спросил:

– Так что сегодня за праздник? По какому поводу пьем? – Он стал разливать вино по бокалам.

– Да так, – она махнула рукой. – Что-то нервы расшалились.

– Что-то произошло? – Гуров хотел точно знать, слышала ли Мария об убийстве.

– Да ничего такого особого.

– А не особого? – не унимался Лев Иванович.

– Ну что пристал? Говорю, с нервами что-то. Все раздражает, нервирует... На людей бросаюсь без повода, – объяснила Мария.

– Может, тебе взять выходные?

– Ты что, Лев?! У нас премьера со дня на день, а ты говоришь, выходные, – возмутилась жена.

– Премьера? – Это слово сразу напомнило сыщику о вчерашнем убийстве. – Послушай, Маша, а ты знаешь такой театр «Фурор»? – начал он издаleка.

– Знаю. А что? – Мария сделала глоток вина.

– Я был там сегодня.

Мария подняла удивленный взгляд на мужа.

– По работе, – пояснил Гуров.

– А что там произошло? Какая-нибудь кража в гардеробе? – усмехнулась она.

– Разве я когда-нибудь занимался кражами? – Лев не отводил взгляд от Марии.

И тут до нее дошло.

– Неужели убийство? – Рука с вилок так и застыла на полпути.

– Да. Убили актера Полянского. Знаешь такого?

– Знаю. А как это произошло? – В голосе Марии чувствовались тревога и испуг.

– Прямо на сцене. Кто-то выстрелил в него в конце первого акта. – Гуров решил не ходить вокруг да около – все равно рано или поздно слухи об убийстве разнесутся по всем театрам города. Странно еще, почему этого не произошло сегодня.

Мария положила вилок. Ее глаза округлились.

– Как? Почему? А кто стрелял?

– Не знаю. Там все запутано.

– Так вот почему ты звонил сегодня днем и спрашивал, все ли у меня нормально, – догадалась Мария.

– Именно поэтому. Все-таки подобные убийства не происходят каждый день. И нет никакой гарантии, что это не произойдет в другом театре.

Гуров специально не стал говорить: «У вас в театре», чтобы не пугать жену, ведь понятно, что она не станет брать никакие выходные, а будет продолжать ходить в свой театр.

– Это был маньяк? – спросила Мария и залпом допила свое вино.

– Не похоже. Маньяки действуют по-другому. Может, ты все-таки возьмешь выходные, пока все не выяснится? – снова спросил Лев.

Мария молчала, опустив голову. Было видно, что она думает, как быть. Так продолжалось несколько минут. Наконец она сказала:

– Нет, Лев. Я не могу. Никто не позволит мне этого сделать накануне премьеры.

– Понятно. – Гуров решил перевести разговор в другое русло: – Послушай, Маша, а как ты думаешь, мог ли кто-то из своих убить Полянского? Я имею в виду актеров. Ну, там, из-за главной роли, предположим...

– Да ты что, Лев?! Конечно, главная роль в театре многое значит, но чтобы убивать из-за этого человека – это уже крайность. Нет, здесь что-то другое.

– Ты понимаешь, я совсем не имею представления, что творится на вашей кухне, и поэтому очень надеялся, что ты сможешь мне в этом помочь, – честно признался Лев.

– Что конкретно тебя интересует? – Мария поправила халатик, так некстати оголивший ее плечо.

– К примеру, мог ли какой-нибудь посторонний человек пробраться на галерку во время премьеры.

– Конечно, мог. Как правило, во время премьеры в театре творится такая суеда, что никто не обращает внимания на подобные вещи. Премьера – это когда весь персонал работает в режиме нон-стоп.

– Понятно. – Гуров хлопнул себя по коленям. – А знаешь что, любимая, пойдем-ка на боковую. Мне завтра в контору к восьми, да и тебе надо отдохнуть. Ничто так не восстанавливает нервную систему, как хороший сон.

– Я не против. У меня тоже завтра нелегкий день, – согласилась Мария, отправляясь в спальню.

* * *

Припарковав машину на стоянке, Гуров направился в контору. Сегодня он чувствовал себя «на все сто». Хорошо выспавшись, плотно позавтракав и приняв контрастный душ, сыщик был готов свернуть горы. Единственное, что немного омрачало сегодняшнее утро, так это то, что через час ему предстояло доложить о результатах расследования генералу Орлову. А докладывать, собственно говоря, было нечего. Вернее, кое-что было, но не то, что ждало от него вышестоящее начальство. «Ничего – переживут», – подумал Гуров.

Лев легко вбежал по ступеням, прошелся по первому этажу управления, приветливо здороваясь с коллегами по работе. Многих из них он даже не знал в лицо – зато его знали буквально все.

Полковника Гурова редко можно было увидеть в форме, если только это не был День милиции или иное официальное мероприятие. Он не любил носить форму – не потому, что у него были какие-то комплексы на этот счет, а из чисто практических соображений. Станислав Крячко любил говорить по этому поводу так: «Ох и красивая у нас форма, Лев Иванович! Так бы и носил не снимая. Вот только боюсь, что в ней мы не нароботаем и половину того, что можем. Не любит у нас народ милиционеров. Ох не любит. Как увидит человека в форме, так его и выворачивает. Нет, Лев, это только для генералов. Вот когда дослужимся – тогда и будем везде шеголять в форме, а пока...»

Опять же в спортивном костюме в управлении тоже не появишься – коллеги не поймут. И остается тогда сыщику классический серый костюм да белая рубашка с галстуком. Лев предпочитал носить хорошие дорогие костюмы, давно усвоив для себя, что не стоит покупать каждые полгода дешевую одежду, а лучше один раз купить хорошую.

Многие в управлении за глаза называли Гурова лордом – за внешний вид и манеру держаться. Чего нельзя было сказать о его друге и соратнике, как часто любил называть его Гуров, Стасе Крячко. Тот предпочитал одеваться куда более демократично: джинсы, курточка спортивного покроя, кроссовки – в общем, самый что ни на есть молодежный стиль.

Молодые старлеи и капитаны, сотрудники управления, смотрели на Гурова и Крячко с нескрываемым восторгом. Они оба стали чем-то вроде живой легенды. Дела, которые доставались двум сыщикам, всегда отличались особой сложностью, запутанностью, требовали нестандартной тактики и оригинальных решений, с чем сыщики всегда справлялись. Оба полковника прекрасно знали, как к ним относятся в управлении, но воспринимали это с легкой иронией. Каждый из них понимал, что никакие они не боги сыска, а просто грамотные, хваткие и везучие профессионалы, имеющие большой опыт.

Их непосредственный начальник Петр Николаевич Орлов тоже относился к сыщикам по особому. Он знал их очень давно – с тех пор, когда они были совсем еще молодыми лейтенантами. В те далекие годы Орлов еще не занимал кресло начальника, а сам работал оперативником и заслуженно считался одним из лучших сыщиков столицы. Он-то и натаскал молодых лейтенантов и передал им свой опыт – те практические навыки, которые ни в одном учебнике не найдешь. Ученики оказались способными, быстро пошли в гору и где-то даже превзошли своего учителя, но до сих пор относились к нему с благодарностью и искренним уважением. Генерал отвечал им тем же. За многие годы работы они сдружились, но никогда не забывали о субординации, особенно при посторонних. Каждый из них понимал, где он работает и как

нужно себя вести. Но, оставшись втроем, они становились не начальником и подчиненными, а тремя сыщиками-профессионалами, которые всеми силами пытаются бороться со злом.

Генерал считал Гурова и Крячко своим золотым фондом, своей гвардией – верил им, как самому себе. И именно поэтому ставил перед ними задачи повышенной сложности, поручал дела наиболее трудные и запутанные. Он знал, что сыщики упрутся, напрягут мозги и найдут решение там, где другие не нашли бы.

...Поднявшись на свой этаж, Лев увидел стоящего возле кабинета Илью. В первые секунды сыщик пытался понять, кто бы это мог быть, но потом вспомнил, как вчера перед уходом домой к ним пришел этот мальчишка, которого так любезно предоставил им генерал Орлов. «Илья, по-моему. Да, точно Илья». Теперь Лев смог повнимательнее рассмотреть парня. Среднего роста, черноволосый, с правильными чертами лица. На вид лет двадцать с небольшим. В глазах просматривается интеллект, что не могло не радовать сыщика. Больше всего в жизни он не любил тупых. Одет Илья был в костюм, что тоже понравилось Гурову. «Значит, парень понимает, где работает, поэтому и одевается соответствующе».

– Привет. Давно стоишь? – Лев достал ключи от кабинета.

– Здравствуйте, Лев Иванович. Стою? Да нет, не так уж давно.

Войдя в кабинет, Гуров повесил куртку на вешалку и прошел к своему столу.

– Я все выяснил про этого Полянского, – подойдя к Гурову, сразу начал Илья.

– Не гони лошадей. Сейчас придет Стас... Станислав Андреевич, вот тогда и расскажешь.

– Ладно. Хорошо. – Илья прошел к своему столу и, сев на стул, сложил руки на груди.

«С характером», – подумал Лев и усмехнулся.

В это время дверь с шумом распахнулась, и на пороге появился Стас.

– Всем привет. Я не опоздал? Ничего не пропустил? – Он посмотрел сначала на Илью, потом на Гурова.

– Не успел. Мы только собирались начинать.

Илья включил компьютер, немного поколдовал с клавиатурой, а потом спросил:

– Можно начинать, Лев Иванович?

– Валяй, – Гуров сделал неопределенный жест рукой.

– Полянский Сергей Игоревич, тысяча девятьсот восьмидесятого года рождения, последние три года проживал в городе Москве, где был прописан по адресу: Останкинский переулок, дом пять, квартира сорок девять, – начал Илья. – Родился он в городе Ярославле, где и проживал до призыва в армию. Учась в школе, несколько лет занимался биатлоном и даже защищал честь школы на региональных соревнованиях. После окончания школы поступил учиться в местное театральное училище, но окончить его не успел. Его призвали в армию. Там Полянский попал в пограничные войска, и его послали служить на границу Грузии и Абхазии. Прослужив в армии положенный срок, Полянский возвращается домой и продолжает учебу в театральном. После окончания несколько лет работает в местном театре. В две тысячи седьмом году Полянский приезжает в столицу, где становится ведущим актером театра «Фурор». Все. – Илья откинулся на спинку кресла.

– Содержательное досье, ничего не скажешь, – Стас посмотрел на Гурова.

– Да-а. Есть над чем подумать, – задумчиво произнес Лев, вставая из-за стола. – Этот Полянский мог как быть киллером, так и не быть им.

– Что ты имеешь в виду? – Стас сложил руки на груди, всем своим видом показывая, что готов к дискуссии.

– С одной стороны, все вроде бы указывает на то, что Полянский именно тот, кто совершил все эти заказные убийства. Тут тебе и занятия биатлоном, и армия, и найденная у него в примерке винтовка. Но, с другой стороны, это может быть тщательно спланированная подстава. Когда я разговаривал с артистами в театре, все как один утверждали, что Полянский не мог

быть убийцей, так как его жизнь всегда была на виду. Он проводил в театре почти двадцать четыре часа.

– Чикатило тоже работал в школе и, кстати, был там на хорошем счету, так что это еще не показатель, – не согласился с Гуровым Стас.

– А кто сказал, что я собираюсь тем самым оправдать Полянского? Я просто пытаюсь разобраться в этом непростом деле и понять две вещи, а точнее, три. – Лев остановился посредине кабинета и поднял указательный палец вверх. – Первое: был ли Полянский киллером? Второе: если нет, тогда кто подставил его и с какой целью? И, наконец, третье: кто убил самого Полянского и связано ли это с найденной у него винтовкой или же это просто совпадение? – Увидев вопросительный взгляд Стаса, Лев пояснил: – Можно предположить, что Полянского убил какой-нибудь ревнивец или, к примеру, кредитор.

– Можно, конечно. Только непонятно, почему это надо было делать именно в театре. Почему его нельзя было убить где-нибудь на улице? – высказал свое мнение Стас.

– Тоже вопрос, – согласился с ним Гуров, посмотрев на часы. – В общем, так. Сейчас идем к Орлову на доклад, а потом начнем разбираться со всеми «за» и «против». Кстати, результатов экспертизы еще нет? Будем надеяться, что хоть Степанович нас не подведет. Пошли. – Гуров еще раз глянул на часы.

Кабинет эксперта находился на следующем этаже, и поэтому сыщикам понадобилось не так много времени, чтобы оказаться возле его двери. Постучав, Лев первым вошел в кабинет.

Эксперт оказался на месте, несмотря на раннее, можно сказать, не рабочее время. Он сидел, склонившись над микроскопом.

– Доброе утро, Степанович! – прямо с порога поздоровался Гуров.

– И вам не хворать, – ответил эксперт, подняв правую руку вверх, что означало: «Я сейчас закончу».

Прошло пять минут. Лев посмотрел на часы:

– Степанович, мы вообще-то идем к генералу, и времени у нас совсем нет.

– Еще минуту, – пообещал эксперт.

Прошла минута, потом еще одна, и Лев уже собирался еще раз поторопить эксперта, как тот, развернувшись на стуле, сказал:

– Моя профессия, как, впрочем, и ваша, не терпит неточностей, поэтому приходится порою по несколько раз проверять и перепроверять одну и ту же вещь, чтобы потом с уверенностью сказать, является она уликой или нет.

– По нашему делу есть что-нибудь? – Лев не стал поддерживать размышления Степановича.

– Я как раз этим и занимался – точнее, закончил заниматься. Вот, посмотрите. – Он вытащил из-под микроскопа стеклянное блюдце, на котором лежала пуля. – Узнаете?

– Пуля от «макарова», – сразу определил Стас.

– Да. Точно, она, – согласился с ним Гуров, посмотрев на пулю.

– Совершенно верно. Эту пулю извлекли из тела убитого актера, – начал Степанович. – Но, что интересно, выпущена она была не из «макарова». – Он посмотрел на сыщиков, ожидая их реакции.

– В смысле? – Лев посмотрел на Стаса, потом снова на эксперта.

– В том смысле, что стреляли в вашего артиста из переделанного газового пистолета «ИЖ-77». Когда стреляют из «макарова», на пуле всегда остаются четыре характерные бороздки. Здесь их нет. – Эксперт поднес блюдце к самым глазам Гурова.

– Действительно, никаких бороздок нет, – рассмотрев пулю, подтвердил Лев. – Это многое меняет. – Он снова посмотрел на Стаса, и тот кивнул головой. – Что-нибудь еще есть по нашему делу?

– Пока это все. – Эксперт вернулся к своему столу. – Приходите ближе к вечеру, постараюсь все закончить.

– Добро. Мы как раз и собирались вернуться в управление где-то в это время. Ну ладно, Степанович, не будем тебя больше отвлекать, да и сами мы уже опаздываем. – И Гуров со Стасом вышли из кабинета.

Прежде чем войти к генералу, Лев посмотрел на часы и покачал головой.

– Немного задержались, товарищ генерал, но на то были причины, – с порога начал он. – Разрешите войти?

– Входите, входите, – махнул рукой Орлов.

Он сидел за своим столом, перекладывая какие-то бумаги. Стас разместился за длинным столом, за которым обычно проводились разного рода заседания; Лев же, наоборот, занял свое излюбленное место в кресле около окна.

– Ну, чем порадуете, господа сыщики?

Несколько секунд Гуров смотрел на генерала, а потом сказал:

– Дело далеко не простое, да и прошел всего один только день, так что результаты расследования не такие радужные, как этого бы хотелось.

– Ближе к делу. Есть что-нибудь? – Генерал Орлов заерзал на стуле.

Он и сам, конечно, отлично понимал, что за такой срок навряд ли можно было сделать что-то существенное, но вот только через час ему самому надо было докладывать «наверх», и поэтому он ждал от сыщиков результатов. Хотя бы каких-нибудь.

– Вчера мне удалось поговорить с некоторыми свидетелями убийства, но в целом ничего существенного это не изменило. Никто ничего не видел. Кроме того, все как один утверждают, что Полянский не мог быть киллером и что это полный бред. Несколько человек после всего произошедшего вынуждены были взять себе выходные, и поэтому мы сегодня собираемся их посетить. Возможно, появится что-то стоящее.

– Это все? – спросил генерал, когда Гуров закончил.

– Нет. Есть еще кое-что.

– Ну так давай, не томи. Что там? – поторопил Орлов.

– Наш эксперт извлек пулю из тела убитого. Пуля оказалась от пистолета Макарова, но стреляли в него из другого пистолета, эксперт сказал – это был переделанный газовый пистолет «ИЖ-77».

– А вот это уже интересно, – оживился генерал. – Значит, можно предположить, что в Полянского стрелял какой-нибудь дилетант. А это значит, что искать надо среди его окружения. Скорее всего, здесь может быть либо ревность, либо долги. Кстати, а что там с самим Полянским? Удалось навести справки?

– Да. Мы выяснили, что в школе он занимался биатлоном и имел неплохие результаты. Выступал даже на межрегиональных соревнованиях. Кроме того, в армии служил на границе с Грузией, где тоже участвовал в вооруженных столкновениях.

– Значит, все-таки он и есть киллер, – задумчиво произнес генерал Орлов. – Интересно получается... Артист-киллер. Я такого за все время своей работы в органах еще не встречал. Кстати, как там парень из информационного отдела, которого я вам вчера направил? – неожиданно сменил тему генерал.

– Парень как парень. Работает. – Гуров развел руками.

– Смотрите не обижайте там его. А то я вас знаю. Начнете разные ваши штучки... – Генерал pokrutil рукой над столом.

– Не до штучек сейчас, – серьезно ответил Лев. – Нам бы с этим делом разобраться. Все слишком запутано.

– Ну а что тогда сидим? Вперед! – Генерал показал рукой на дверь. – Идите и разбирайтесь!

Вернувшись от генерала, сыщики стали составлять план действий на сегодняшний день.

– Первым делом надо встретиться и поговорить с напарницей Полянского, – сев за свой стол, сказал Лев. – Фамилия у нее еще такая мудреная. – Он на секунду задумался и почти по слогам произнес: – Билиербах. Точно! Билиербах.

– Да-а, фамилия еще та, – протянул Стас.

– У них там у всех имена и фамилии – язык сломаешь, – вспомнил Гуров вчерашнее свое посещение театра.

– Наверное, какая-нибудь фифа. – Стас покрутил рукой возле глаз.

– Вполне возможно, – согласился Лев. – Ее муж, известный бизнесмен, часто финансирует гастролы театра.

– Что-то я не припомню бизнесмена с такой фамилией. – Стас сдвинул брови.

– А у него другая фамилия – Смирнов.

– Понятно... – протянул Стас.

Лев подошел к телефону и стал набирать номер. На удивленный взгляд Стаса он пояснил:

– Надо заранее договариваться о встрече, чтобы зря не ехать. А то такие люди – сам знаешь...

Следующие несколько минут Гуров разговаривал по телефону. Наконец положив трубку, он сказал Крячко:

– Ну что же, теперь можно ехать.

Все это время Илья спокойно сидел за своим столом, смотря в монитор, лишь изредка поглядывая на сыщиков. Прежде чем выйти, Лев подошел к компьютерщику:

– Ну что, Илья, остаешься за старшего. Будь всегда на связи. Если нам что-то понадобится, мы позвоним.

– Хорошо, Лев Иванович.

– И вот еще что. – Гуров достал связку ключей и отсоединил один. – Вот тебе ключ от кабинета. Если понадобится отлучиться куда-нибудь, не оставляй кабинет открытым. Конечно, наше управление не проходной двор, но все же порядок есть порядок.

– Я все понял, Лев Иванович, – по-солдатски ответил Илья и даже хотел встать, но Гуров остановил его движением руки.

Закончив дела в управлении, сыщики отправились на встречу со свидетелями. Первым в этом списке была Жанет Билиербах.

* * *

Она родилась в Москве, в театральной семье. Ее отец, Арсений Билиербах, половину своей жизни провел в известном столичном театре, где играл не последние роли и был узнаваемым артистом; мать играла там же, но имела меньший успех. Еще с самого детства Жанет помнила, что в их квартире собирались разные люди и подолгу засиживались на кухне, что-то громко обсуждая. В общем-то, если быть до конца честными, жили они не очень. Денег всегда не хватало. Родители, как это принято, прочили своей дочери будущее большой артистки. С малых лет они брали ее с собой на репетиции, пытаясь привить ей любовь к театру. Саму Жанет театральная жизнь, конечно же, завораживала. Все эти костюмы, декорации, сцена, свет... Но с годами она начала понимать, что жизнь артиста полна всяких лишений. Ей не хотелось повторять судьбу своих родителей. Жить в однокомнатной квартире с вечно пустым холодильником, с утра до вечера пропадать в театре на репетициях, после которых, выступая два раза в месяц на сцене, получать жиденькие букетики... Ей хотелось совсем другой жизни: быть известной, узнаваемой актрисой и в то же время не чувствовать недостатка в деньгах. Окончив театральное училище, Жанет не собиралась идти в театр, где служили ее родители. Она прекрасно понимала, что там можно до скончания века ждать главной роли, да так и не дожидаться. Как

раз в это время стали открываться коммерческие театры, в которых играли молодые артисты. Новые молодые режиссеры реализовывали смелые проекты и имели успех. В один из таких театров и пошла работать Жанет. Ее трудолюбие и природный талант сделали свое дело, и уже через год она получила главную роль, с которой пришла известность. После первых же гастролей ее стали узнавать на улице и дарить цветы. Кроме того, современные театры стали неким местом паломничества для богатой элиты столицы – ходить туда стало модным. И на их премьеры потянулись известные богатеи Москвы. Жанет, которая всегда мечтала жить в достатке, сразу смекнула, что это ее шанс. Известность у нее уже была, оставалось только удачно выйти замуж. На все сомнительные предложения, типа продолжить вечер в уютной обстановке, она отвечала отказом, зная, что подобная репутация значительно снижает ее шансы на выгодный брак. И вот однажды, после очередной премьеры, к ней в гримерку вошел молодой мужчина с большим букетом цветов. На вид ему было чуть за тридцать. Правильные черты лица, хороший костюм, дорогие часы – все говорило о том, что перед Жанет очередной кандидат на роль будущего мужа.

– Здравствуйте, Жанет, – поздоровался незнакомец.

– Здравствуйте, – ответила та, с интересом разглядывая молодого мужчину.

– Это вам. – Он протянул шикарный букет роз.

– Спасибо. – Жанет опустила глаза.

– Разрешите пригласить вас сегодня в ресторан, чтобы отметить вашу премьеру, – неожиданно предложил мужчина.

– Я с незнакомыми мужчинами в ресторан не хожу, – игриво ответила Жанет.

– Ой! Простите, бога ради. Эдуард.

Мужчина протянул руку. Она оказалась мягкой и теплой, приятной на ощупь. Но в ней чувствовалась сила мужчины, уверенного в себе. Немного подумав, Жанет согласилась. С того дня Эдуард приходил почти каждый день. Со временем Жанет узнала, что он имеет неплохой нефтяной бизнес, что у него есть дом на Рублевке – в общем, у него были все шансы стать ее мужем. Вот только сам Эдуард не спешил с предложением руки и сердца. Но Жанет умела ждать...

И вот в один прекрасный весенний день это произошло. Эдуард сделал ей предложение. Он подъехал на белом лимузине прямо к театру и увез Жанет в загс. Все было несколько неожиданно, но девушка, которая провела в ожидании несколько месяцев, восприняла ситуацию спокойно. Потом была шикарная свадьба, на которой присутствовали многие известные личности столицы. А через девять месяцев Жанет родила своему мужу сына, что полностью укрепило ее положение жены в рублевском доме. Теперь она чувствовала себя здесь полноценной хозяйкой. Свою работу в театре она не бросила, хотя и могла – денег у Эдуарда было предостаточно. Ей нравилась театральная жизнь, в которой она провела все свое детство и юность, и Жанет не собиралась менять ее на пустое проведение времени в салонах красоты и разных там тусовках. Наоборот, она медленно, но уверенно подвела мужа к тому, что он должен профинансировать очередной проект, в котором она получила главную роль. Эдуард согласился и с того дня периодически отчислял энные суммы на театральные нужды. После того как в здании театра был сделан хороший ремонт и оплачены несколько гастролей по стране, вопрос о том, кто будет играть главную роль в очередном проекте, отпал сам собой. Режиссер прекрасно понимал свою «зависимость», и поэтому Жанет могла не беспокоиться об артистическом будущем.

Так длилось некоторое время, пока она не поняла, что у них с мужем разные интересы и взгляды. Его совсем не интересовала ее жизнь – вернее, не интересовало ничего, кроме его работы и бизнеса. Нет, Эдуард относился к ней хорошо и даже любил ее, как казалось самой Жанет, вот только поговорить им было не о чем. И, как это часто бывает, актриса завела себе любовника из своего круга. С ним она могла часами разговаривать о театре, о новых проектах – в общем, о всем том, что происходило в ее жизни.

Так длилось до вчерашнего дня, когда прямо на самой премьере в конце первого акта не прозвучал выстрел и к ее ногам не свалился ее партнер Полянский с простреленным сердцем. Для Жанет это был удар. Нет, она, конечно же, не жила в каком-то иллюзорном мире и прекрасно понимала, что вокруг существуют и бандиты, и убийцы, и маньяки; но когда это произошло рядом с ней, Жанет испугалась. В этот же день она уехала домой, а позже, позвонив режиссеру, сказала, что не появится в театре раньше чем через три дня.

* * *

Сыщики подъехали к большим кованым воротам, рядом с которыми повела своим оком камера наружного наблюдения.

– По-моему, здесь. – Лев сверился с блокнотом.

– Давненько я не был в гостях у олигархов. – Стас хлопнул себя по коленям.

– Надеешься на хороший прием? – Лев покосился на напарника, который был одет в джинсы и короткую кожаную куртку.

– А почему бы и нет? Я, например, не прочь выпить хороший кофе и съесть парочку бутербродов с красной икрой, а то с утра не удалось позавтракать.

– Мечтать не вредно, – уже выходя из машины, сказал Гуров.

Нажав на кнопку звонка, он поднял голову и посмотрел в камеру.

– Вам кого? – прозвучал женский голос из динамика переговорного устройства, висевшего рядом с калиткой.

– Мы приехали поговорить с Жанет Билиербах, – коротко ответил Гуров. Его раздражали подобные ситуации, хотя в душе он, конечно же, понимал, что подобные меры предосторожности просто необходимы людям, живущим на Рублевском шоссе.

– Одну минуту, – ответил все тот же женский голос.

Через минуту прозвучал характерный звук открывающегося замка, и перед сыщиками вырос двухметровый атлет в черном костюме. Его двигающиеся желваки говорили о том, что он не расположен к мирному разговору, но Лев повидал таких бойцов на своем веку и поэтому без лишних объяснений сунул охраннику под нос свою «корочку». Несколько секунд атлет рассматривал раскрытое удостоверение, а потом, поднеся рацию ко рту, сказал:

– Это из полиции. Пропустить?

По всей видимости, на том конце был старший из охранников, который был в курсе всего произошедшего накануне, и поэтому сыщикам не пришлось долго топтаться перед калиткой. Уже в следующую минуту они шагали вслед за охранником по ухоженным дорожкам, замощенным красивой плиткой. То тут, то там росли какие-то диковинные растения и деревья. Невдалеке блестел своей голубой гладью небольшой пруд, также окруженный красивыми деревьями. Весь этот пейзаж завершал коттедж из красного кирпича, к которому вел сыщиков охранник. На широкой каменной лестнице стояла женщина, которая, судя по возрасту и одежде, скорее всего, была здесь прислугой. Она стояла на верхней ступеньке, по-хозяйски сложив руки на груди.

– Здравствуйте. Прошу за мной, – без всяких церемоний сказала женщина и направилась к входной двери. Охранник остался стоять на месте.

– Как у них тут все строго, – тихо сказал Стас, повернув голову к Гурову.

– Ага. Как в Кремле: сдал – принял, – язвительно ответил Лев, не любивший подобные походы в дома олигархов. Волей-неволей начинаешь себя ощущать не известным сыщиком, а каким-то участковым, от которого все хотят побыстрее отделаться.

Коттедж, в который направлялись полковники, тоже представлял собой нечто похожее на произведение искусства, несмотря на то что явно был построен несколько лет назад. Довольно

большое здание было украшено какими-то башенками и балкончиками, которые искусно вписывались в общий ансамбль.

Войдя внутрь, сыщики оказались в большом холле, в котором то тут, то там в глиняных горшках стояли заморские растения и карликовые деревья – эдакий дендрарий на дому. Посредине холла полукругом стояли маленькие диванчики и пара кресел, на одном из которых удобно разместился мужчина средних лет, одетый в белоснежный костюм. «Ну, прямо Майами, мать его!» – выругался про себя Лев. Как только сыщики появились на пороге дома, мужчина встал со своего уютного места и направился к ним навстречу.

– Здравствуйте. Меня зовут Эдуард Смирнов. – Он протянул руку Гурову.

– Полковник специального отдела Гуров Лев, – ответил на рукопожатие Лев.

Стас обошелся без названия своей должности и звания:

– Станислав Андреевич.

– Чем обязан? – сразу спросил хозяин дома. В том, что это был именно он, Гуров не сомневался.

– Мы хотели бы поговорить с вашей женой по поводу вчерашнего убийства в театре.

– Вы знаете, она себя плохо чувствует, и думаю, что сегодня разговор у вас не получится.

А что, собственно, вы хотели у нее узнать?

– Мы бы хотели задать ей всего несколько вопросов. Может быть, она все же сможет с нами поговорить? – настойчиво спросил Лев.

Ответить он не успел, потому что сверху раздался громкий женский голос:

– Дорогой! Мне уже лучше!

Мужчины повернули головы на голос. С лестницы, которая вела на второй этаж, спускалась красивая молодая женщина. На вид ей было не больше тридцати – по крайней мере, так показалось Гурову. Одета она была в светлый брючный костюм, который подчеркивал ее точечную фигуру, копна светлых волос обрамляла лицо. Лев покосился на Стаса. Как он и ожидал, у напарника «потекли слюнки».

– Но, Жанет, ты же только что лежала в постели, – попытался оправдаться хозяин дома.

– Я выпила таблетку, и мне уже лучше, – настойчиво ответила женщина, как бы отмахнувшись от мужа. Это не ускользнуло от Гурова.

– Ну, как знаешь. Извините, мне пора. Дела, знаете ли, – скороговоркой сказал Смирнов и поспешил удалиться. Жанет даже не удостоила его взглядом.

– Прошу, – указала она на стоящие рядом кресла, а сама примостилась на диванчике напротив.

После того как сыщики заняли предложенные места, Жанет позвала служанку:

– Мария!

Служанка словно выросла из-под земли.

– Я вас слушаю.

– Чай, кофе? – Жанет посмотрела на сыщиков.

– Спасибо, ничего не надо, – ответил за двоих Гуров, подтвердив свой отказ жестом руки. – Перейдем лучше сразу к делу.

– Как знаете. – Жанет закинула ногу на ногу.

Служанка скрылась так же неожиданно, как и появилась.

– Скажите, Жанет, вы хорошо знали убитого Полянского? – был первый вопрос Гурова.

– Хорошо ли я знала Полянского? – повторила хозяйка вопрос сыщика. – Да как вам сказать... И да, и нет.

– Поясните, пожалуйста. – Лев откинулся на спинку кресла и посмотрел на Стаса.

Жанет поправила волосы, минуту помолчала и только потом ответила:

– Полянский, несмотря на то что его театральная жизнь была на виду, оставался человеком себе на уме. Мне кажется, у него, помимо театра, была еще какая-то жизнь. В смысле, другая жизнь, – пояснила хозяйка.

– А в чем это выражалось? – вступил в разговор Стас.

– В чем это выражалось? – опять повторила вопрос хозяйка. – Сразу так и не скажешь. Ну, например, он запросто мог посредине репетиции собраться и поехать по своим делам, не объясняя никому, с чем связаны эти дела. А однажды, когда я попыталась остановить его, он сказал мне, что у него есть дела поважнее, чем репетиции.

– Может, это было связано с какой-нибудь женщиной? Очень часто так ведут себя влюбленные люди, – предположил Лев.

– Да что вы! – усмехнулась Жанет. – Какие женщины? Я вас умоляю. От него жена ушла только потому, что он не находил для нее времени, а вы говорите – женщина, любовь... Полянский проводил в театре почти все свое время, и поэтому на личную жизнь у него времени не оставалось.

– Но ведь вы сказали, что он часто покидал репетиции? – Стас попытался поймать хозяйку на нестыковках.

– Это было не всегда. В основном Полянский находился в театре.

– Скажите, Жанет, а вы не знаете, были ли у Полянского недоброжелатели? – спросил Лев, закончив делать пометки в своем блокноте.

– Вы хотите сказать, не знаю ли я, кто мог стрелять в Полянского? – снова усмехнулась хозяйка.

– Вы удивительно догадливы.

Гуров прищурил глаза. Он видел, что беседа несколько забавляет эту красивую и уверенную женщину. Она вовсе не казалась расстроенной или испуганной, хотя на ее месте любая другая именно так и должна была бы себя чувствовать.

– Нет. Я не знаю, кто стрелял в Полянского. Честно сказать, мне самой было бы интересно узнать, кому он мог так насолить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.